

Российская Академия Наук
Институт философии

**ФИЛОСОФИЯ ПРИРОДЫ
В АНТИЧНОСТИ И В СРЕДНИЕ ВЕКА**

Часть третья

Москва
2002

Contents

<i>Piama Gaidenko</i>	
Natural Philosophy in Aristotle	7
<i>Jean-Marc Narbonne</i> (Université Laval, Québec, Canada)	
Aristote et le mal (transl. by A. Pakhomova)	56
<i>Svetlana Messiats</i>	
Discussions on the Aether in Antiquity	75
Appendices	
<i>Xenarchus of Seleucia</i>	
Against the Fifth Essence	113
<i>Alexander of Aphrodisias</i>	
[Refutations of Xenarchus]	116
<i>Atticus</i>	
Against Those that Try to Interpret	
Plato by Means of Aristotle	120
<i>Tatyana Borodai</i>	
Plotinus on the Nature	128
<i>Plotinus</i>	
Against Those that Affirm the Creator of the Kosmos	
and the Kosmos Itself to be Evil 33 II, 9 (transl. by T.Borodai)	141
<i>Iouri Chitchaline</i>	
Plotinus' «Nature, Contemplation and the One» and Aristotle	168
<i>Plotinus</i>	
Nature, Contemplation and the One 30 III, 8	
(transl. by I.Chitchaline)	185
<i>Valery Petroff</i>	
<i>Theologia naturalis</i> in Eriugena's Eschatology	206
Appendix I. The Criticism by Prudentius of Troy	221
Appendix II. The Similar Theories in the Earlier Tradition	230
<i>Valery Petroff</i>	
Origen and His Influence on John Scottus' Eschatology	270
Appendix. Eriugena and the Scholia	
to Dionysius' <i>De coelesti hierarchia</i>	287

Содержание

<i>П.П.Гайденко</i>	
Натурфилософия Аристотеля	7
<i>Ж.-М.Нарбонн</i>	
Аристотель и зло (пер. с фр. <i>А.В.Пахомовой</i>)	56
<i>С.В. Месяц</i>	
Дискуссии об эфире в Античности	75
Приложения	
<i>Ксенарх Селевкийский</i>	
Против пятой сущности	113
<i>Александр Афродисийский</i>	
[Ответы на возражения Ксенарха]	116
<i>Аттик</i>	
Против пытающихся толковать Платона через Аристотеля	120
<i>Т.Ю.Бородай</i>	
Плотин о природе	128
<i>Плотин</i>	
Против гностиков (Против тех, кто утверждает, будто творец мира зол и мир плох) 33 II, 9 (пер. <i>Т.Ю.Бородай</i>)	141
<i>Ю.А.Шичалин</i>	
Трактат Плотина «О природе, созерцании и едином» (30 III 8) и Аристотель	168
<i>Плотин</i>	
О природе, созерцании и едином 30 III 8 (пер. <i>Ю.А.Шичалина</i>)	185
<i>В.В.Петров</i>	
<i>Theologia naturalis</i> в эсхатологии Эриугены	206
<i>Приложение I. Критика Пруденция Труасского</i>	221
<i>Приложение II. Схожие представления</i> в предшествующей традиции	230
<i>В.В. Петров</i>	
Ориген и его влияние на эсхатологию Иоанна Скотта	270
<i>Приложение. Эриугена и схолии</i> к «О небесной иерархии» Дионисия Ареопагита	287

УДК 10 (09) 1
ББК 87.3
Ф 56

Редакторы сборника:

доктор филос. наук *П.П.Гайденко*
кандидат филос. наук *В.В.Петров*

Рецензенты:

доктор филос. наук *А.Л.Доброхотов*
кандидат филос. наук *В.П.Гайденко*

Ф 56 **Философия природы в античности и в средние века.**
Ч. 3. — М., 2002. — 308 с.

Книга представляет собой сборник исследований по античной и средневековой философии, сопровождаемых новыми переводами работ представителей платоновско-аристотелевской и стоической школ, а также христианской метафизики.

Специальные исследования посвящены натурфилософии Аристотеля (П.П. Гайденко), пониманию природы Плотинем (Т.Ю. Бородай, Ю.А. Шичалин), месту естественно-научного знания в эсхатологии поздней античности и раннего средневековья (В.В. Петров).

Публикуются впервые переведенная на русский язык полемика относительно природы эфира Ксенаρχа Селевкийского, Александра Афодисийского и Аттика, два трактата Плотина — о том, что мир не зол (33 II, 9), о природе, как низшей ипостаси мировой души (30 III, 8).

Натурфилософия Аристотеля

Онтологические принципы Аристотеля получают свое продолжение, развитие и конкретизацию в натурфилософских сочинениях философа — «Физике», «О небе», «О возникновении и уничтожении», «Метеорологике» и других. «Физика», в частности — одно из самых богатых по содержанию и цельных по выполнению произведений Аристотеля. Значение этого произведения явно недооценивалось в XIX и XX веках при исследовании философии Аристотеля, а между тем в нем раскрываются важнейшие положения далеко не одной только науки о природе. В этом отношении отечественной аристотелиане повезло: работы В.П.Зубова и И.Д.Рожанского об Аристотеле базируются главным образом на изучении как раз натурфилософских сочинений Стагирита, и в первую очередь «Физики».

Аристотель был первым античным философом, кому принадлежит заслуга создания понятийного аппарата для познания *природы*. Ибо хотя природа и была главным предметом размышлений досократиков, тем не менее их размышлениям недоставало строгой системы понятий, разработка которой началась с софистов и Сократа, но до Аристотеля не была применена к миру движения и изменения, каким является природа.

«Так как природа, — читаем в «Физике», — есть начало движения и изменения, а предмет нашего исследования является природа, — то нельзя оставлять невыясненным, что такое движение: ведь незнание движения необходимо влечет за собой незнание природы» (Физика, III, I, 200 в). Определив природу как начало движения, Аристотель положил начало науке, которую

мы называем естествознанием. И действительно, спустя более двух тысяч лет аристотелевское определение почти буквально воспроизвел Кант: «Естествознание вообще бывает либо чистым, либо прикладным учением о движении»¹.

Вопрос о том, что такое движение и как определить его в понятиях, представляет большие трудности, отмечает Аристотель.

Аристотель описывает ту проблемную ситуацию, которую он застал в науке своего века и которая его не удовлетворила. Так, объясняя, почему школа Платона оказалась не в состоянии определить движение, Аристотель одну из причин видит в том, что платоники понимали материю исключительно как «лишенность»: в результате, поскольку движение всегда связано с материальным носителем, а последний оказывался неопределенным, то и движение тоже считали невозможным выразить в понятиях. Эта особенность платоновского подхода связана с его методом: он не ищет посредника между противоположностями, а связывает их непосредственно именно как противоположности.

Аристотель же определяет движение как *переход* от потенции к энергии, от возможности к действительности. Движение поэтому есть для Аристотеля нечто нормированное этими двумя «точками» как своим началом и концом; именно эти две «точки» кладут как бы предел движению, то есть позволяют его определить. Движение идет всегда «от — к»; эти пункты суть то, что дает форму движению, что превращает его из бесформенного (а потому и не уловимого в понятиях), каким оно было у Платона, в оформленное и потому познаваемое. В результате возникает следующее определение движения:

«... Движение есть энтелехия существующего в потенции, поскольку оно таково; например, энтелехия могущего качественно изменяться, поскольку оно способно к такому изменению, есть качественное изменение; энтелехия способного к росту и убыли (общего имени для обоих нет) есть рост и убыль, способного возникать и уничтожаться — возникновение и уничтожение, способного перемещаться — перемещение» (Физика, III, I, 201a). «Энтелехия существующего в потенции» есть общий род, видами которого будут все перечисленные спецификации. Последние могут быть установлены только эмпирическим путем.

Поскольку движение определяется Аристотелем через две его «точки» — «от» и «к», то ударение у него падает не столько на само движение, сколько на то, что именно движется; и это «что-то» — сущность — кладет печать на способ анализа движе-

ния. Именно поэтому Аристотель принципиально не в состоянии абстрагироваться от того, что движется; движение у него не становится самостоятельным субъектом, как в физике нового времени (где изучается поэтому движение «материальной точки»), а остается всегда предикатом. Аристотель сам это подчеркивает: «Не существует движения помимо вещей, так как все изменяющееся изменяется всегда или в отношении сущности, или количества, или качества, или места. А ничего общего нельзя усмотреть в вещах, что не было бы ни определенным предметом, ни количеством, ни качеством, ни какой-нибудь другой категорией. Так что, если кроме указанного ничего не существует, то и движение и изменение ничему иному не присущи кроме как указанному» (Физика, III, I, 200в-201а).

Аристотель устанавливает, таким образом, четыре вида движения: в отношении сущности — возникновение и уничтожение; в отношении количества — рост и уменьшение; в отношении качества — качественное изменение; в отношении места — перемещение. В принципе ни один из этих видов движения не может быть сведен к другому или выведен из другого — в этом состоит специфика аристотелевского метода, при котором от движения нельзя отмыслить того, что движется: движение — всегда предикат движущегося. Однако хотя Аристотель и не считает возможным вывести все виды движения из одного, он тем не менее устанавливает некоторую иерархию между ними, объявляя первым движением перемещение.

На каком же основании философ считает перемещение «первым» из всех движений? Обращаясь к проблеме движения в III книге «Физики», Аристотель замечает, что «движение, по всей видимости, относится к непрерывному» (Физика, III, I, 200в). Непрерывность — одна из важнейших характеристик движения; именно с непрерывностью движения у Аристотеля связано доказательство вечности космоса, который не возник и не погибнет. «Возникло ли когда-нибудь движение, не будучи раньше, и исчезнет ли снова так, что ничто не будет двигаться? Или оно не возникло и не исчезнет, но всегда было и всегда будет, бессмертное и непрекращающееся, присущее существам, как некая жизнь для всего, образованного природой?» (Физика, VIII, I, 250в). Если движение (как и сам космос) когда-то возникло, как утверждал Платон в «Тимее», то оно тем самым уже не может быть непрерывным в строгом смысле, ибо если был хотя бы один перерыв (когда не было движения), то может быть и сколько

угодно других; в этом смысле Аристотель и говорит, что если вселенная возникла, то она может и погибнуть. В противоположность Платону, Аристотель утверждает тезис о непрерывности движения.

Непрерывным же движение может быть только перемещение, а потому оно — первое. «Так как движение должно происходить безостановочно, а безостановочное движение будет или непрерывным или последовательным, с другой стороны, так как мы всегда предполагаем, что природе свойственно лучшее, поскольку оно возможно, а непрерывность движения возможна..., и такое движение может быть только перемещением, то необходимо, чтобы перемещение было первым движением. Ведь перемещающемуся телу нет никакой необходимости расти или качественно изменяться, а также возникать и исчезать, а ни одно из этих изменений невозможно без непрерывного движения, которое производит первый двигатель» (Физика, VIII, 7, 260в).

1. Проблема непрерывности и аристотелевское решение зеноновых «парадоксов бесконечности»

С рассмотрением проблемы непрерывности мы вступаем на ту территорию, которая уже до Аристотеля не раз обследовалась в античной философии. Это — та самая чреватая противоречиями и парадоксами почва, которую «вскопал» еще Зенон. В своем стремлении создать науку о природе Аристотель пытается разрешить парадоксы бесконечности и строит свою теорию континуума, которая, по его замыслу, должна служить фундаментом для создания науки о движении. И нужно сказать, что фундамент этот оказался достаточно крепким: на нем возводила свои постройки не только физика античности и средних веков, но и физика нового времени. Многое было пересмотрено в аристотелевской физике учеными XVI-XVII вв.; были отвергнуты не только основные категории, с помощью которых Аристотель описывал движение, но был введен совершенно новый принцип объяснения движения — принцип инерции, так что физику нового времени ее создатели — Галилей, Декарт, Ньютон — рассматривали как неаристотелевскую. Но при этом осталось в силе аристотелевское учение о непрерывности², и это даже несмотря на то, что в физике нового времени играли важную роль атомистические представления, в корне чуждые Аристотелю.

Конечно, аристотелевская теория континуума, оказавшись включенной в новую систему понятий, получила также и новое математическое обоснование в виде исчисления бесконечно-малых, но ее принципы в основе своей сохранились³.

Теория континуума Аристотеля служит фундаментом не только физики, но и математики; но сама по себе проблема континуума выходит за рамки любой из частных наук, ибо ее природа — логико-онтологическая. Именно так рассматривает эту проблему и Аристотель.

Прежде чем перейти к анализу Аристотелева понятия непрерывности, коснемся вкратце парадоксов континуума, как они были сформулированы Зеноном. Их содержание передает Аристотель в «Физике»: «Есть четыре рассуждения Зенона о движении, доставляющие большие затруднения тем, которые хотят их разрешить. Первое, о несуществовании движения на том основании, что перемещающееся тело должно прежде дойти до половины, чем до конца... Второе, так называемый Ахиллес. Оно заключается в том, что существо более медленное в беге никогда не будет настигнуто самым быстрым, ибо преследующему необходимо раньше придти в то место, откуда уже двинулось убегающее, так что более медленное всегда имеет некоторое преимущество... Третье... заключается в том, что летящая стрела стоит неподвижно, оно вытекает из предположения, что время слагается из отдельных «теперь»... Четвертое рассуждение относится к двум разным массам, движущимся с равной скоростью, одни — с конца ристалища, другие — от середины, в результате чего, по его мнению, получается, что половина времени равна его двойному количеству» (Физика, VI, 9). Первая апория — «Дихотомия» — доказывает невозможность движения, поскольку движущееся тело, прежде чем преодолеть определенное расстояние, должно сначала пройти его половину, а соответственно половину этой половины и т.д.: ведь любой отрезок можно делить пополам — и так до бесконечности. Другими словами, если пространственный континуум рассматривается как актуально данное бесконечное множество элементов, то движение в таком континууме невозможно мыслить, ибо занять бесконечное число последовательных положений в ограниченный промежуток времени невозможно. Строго говоря, движение при такой постановке вопроса не может даже начаться. В основе апории «Ахиллес» лежит то же затруднение, что и в основе «Дихотомии»: пока Ахиллес преодолевает расстояние, отделяющее его

от черепахи, последняя пройдет еще один отрезок пути и т.д. до бесконечности. Таким образом, чтобы догнать ее, он должен занять бесконечное множество «мест», которые до тех пор занимала черепаха. В обеих апориях Зенон предполагает континуум делимым до бесконечности, но при этом мыслит эту бесконечность как актуально существующую.

В третьей апории — «Стрела» — философ доказывает, что летящая стрела покоится. Здесь предметом рассмотрения оказывается время. Зенон исходит из понимания времени как суммы неделимых моментов, неделимых «теперь» и соответственно пространства как суммы неделимых точек. Он рассуждает примерно так: в каждый момент времени стрела занимает определенное место, равное своему объему (ибо в противном случае стрела была бы «нигде»). Но если занимать равное место, то двигаться невозможно (движение предполагает, что предмет занимает место, большее, чем он сам). Значит, движение можно мыслить лишь как сумму состояний покоя (сумму «продвинутостей»), а это невозможно, ибо сумма нулей не дает никакой величины. Таков результат, вытекающий из допущения, что пространство состоит из суммы неделимых «мест», а время — из суммы неделимых «теперь». Он показывает, что решить проблему изменения, движения с помощью атомистически конструированного континуума невозможно.

Четвертая апория — «Стадий» — по своим предпосылкам сходна со «Стрелой». Пусть по ристалищу, по параллельным прямым, с равной скоростью движутся навстречу друг другу два предмета равной длины и проходят мимо неподвижного третьего предмета той же длины. Пусть ряд A1, A2, A3, A4 означает неподвижный предмет, ряд B1, B2, B3, B4 — предмет, движущийся вправо, и C1, C2, C3, C4 — предмет, движущийся влево:

	A1	A2	A3	A4				
B1	B2	B3	B4	· · ·	→			
←	· · ·	C1	C2	C3	C4			

По истечении одного и того же момента времени точка B1 проходит половину отрезка A1 — A4 и целый отрезок C1 — C4, т.е. она пройдет мимо четырех точек на отрезке C1 — C4 и в то